

в то же время с полным равнодушием пишет, что послал ему «второе послание против всего пятого евангелия».

Возможно, что доставить второе послание в Печеры должен был тот же слуга («человек»), который безуспешно просил старцев о денежной ссуде. Кем же был этот слуга, позаботившийся о том, чтобы «послание» его господина, спрятанное в тайнике на воеводском дворе в Юрьеве, попало в руки царя или печерских старцев?

По рассказу позднейшей летописи, тотчас после бегства в Литву Курбский прислал к царю с «досадительным» письмом своего верного раба Ваську Шибанова, который будто бы и вручил письмо Грозному в Москве на Красном крыльце.⁹⁸ Однако, согласно более точной официальной летописи XVI в., вся история выглядела несколько иначе. По летописи, после побега Курбского в «немецкой город» юрьевские воеводы поймали его «человека» Ваську Шибанова и под стражей прислали в Москву к царю. «Тот же человек его Васка Шибанов государю царю и великому князю сказал про государя своего князя Андрея изменные дела, что государю царю и великому князю умышлял многие изменные дела».⁹⁹

Официальные источники противоречиво оценивали поведение Васьки Шибанова после его поимки. По летописи, Шибанов рассказал царю многие «изменные дела» Курбского, тем самым предав его. По словам же самого Грозного, Шибанов не только не предавал своего господина, но оставался верен ему до последнего издыхания. «Како же, — писал Грозный Курбскому, — не срамишися раба своего Васки Шибанова? Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целования тебя не свержеса, и похваляя и всячески умрети за тебя тщашеса».¹⁰⁰

Если предположить, что с запиской в Юрьев Курбский послал именно Шибанова, пойманного затем юрьевскими воеводами, то указанное выше противоречие отпадает само собой. Действительно, Курбский умолял в записке, чтобы его «писаньице» (писано «дело государьское») доставили к царю, но в глазах царя памфлет Курбского явился наиболее веским доказательством «великой» измены беглеца. Если Шибанов и содействовал «открытию» измены своего господина, то он сделал это, как то ни удивительно, по приказу самого Курбского.

Заполучив в свои руки печерское послание Курбского, а затем его послание из Вольмара, Грозный уже в начале июля написал ему обширную ответную «эпистолию». Со своей стороны Курбский ограничился краткой «досадительной» отпиской царю, которую отправил в Россию спустя 15 лет.¹⁰¹ По известным причинам словесная полемика с царем перестала интересовать Курбского.

⁹⁸ По Латухинской степенной книге, Курбский «посла того ж своего верного раба к великому государю царю, с досадительным письмом из Литвы. Тот же Васька Шибанов к Москве прииде и при пути походу государеву на Красном крыльце царю и великому князю Иоанну Васильевичу лист тот подал ... Тогда царь ярости исполнився, призвав холопа того близ себя и осном (посохом, — Р. С.) своим ударил в ногу его и пробив ногу, наляже на посох свой и повеле лист прочитати, в нем же написано со всяким досадительством» (Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского, стр. 372).

⁹⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 383. Как отметил Я. С. Лурье, «предпочтение должно быть дано реалистическому рассказу летописи XVI в., а не романтической легенде „Степенной книги“ XVII в.» (Послания Ивана Грозного, стр. 585).

¹⁰⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 13.

¹⁰¹ РИБ, т. XXXI, стр. 113—116, 135—136. Второе послание царю было отправлено в Россию в сентябре 1579 г. вместе с третьим посланием (там же, стр. 154, 160). Объясняя причины, помешавшие ему раньше ответить на первое послание царя, Курбский писал: «... аз давно уже на широковестательный лист твои отписах ти, да не